

Полемика

Размышления над страницами аналитического доклада «Застой–2: последствия, риски и альтернативы для российской экономики»

Абел АГАНБЕГЯН

Абел Гезевич Аганбегян —
доктор экономических наук, академик РАН,
заведующий кафедрой экономической
теории и политики, РАНХиГС
(РФ, 119571, Москва, пр. Вернадского, 82).
E-mail: aganbegyan@ranepa.ru

Аннотация

В книге «Застой–2: последствия, риски и альтернативы для российской экономики», которую авторы называют аналитическим докладом, больше поставлено вопросов, чем содержится ответов на них. В работе анализируется социально-экономическое развитие России в последнее десятилетие и перспективы на среднесрочный и долгосрочный периоды. Авторы работы не анализируют причины неожиданно возникшего застоя с 2013 года, резко оборвавшего послекризисный повышающийся тренд России 2010–2012 годов. В статье сделана попытка объяснить причины стагнации и наступившей рецессии 2015 года. В размышлениях о книге автор пытается систематизировать особенности российской стагнации, в значительной мере соглашаясь с глубоким их анализом в аналитическом докладе. Речь идет об «устойчивости» и «равновесии», «ловушке среднего дохода», «перераспределительной модели», «потерянном маяке» и «изоляциизме». Основное внимание в комментариях посвящено разбору положений рассматриваемого аналитического доклада о перспективах развития России. Авторы рецензируемой работы недостаточно всесторонне рассматривают условия и факторы, необходимые для возобновления устойчивого социально-экономического роста России на будущее. А часть авторов вообще не видят реальных возможностей выхода из застоя. В заключение автор рецензии высказывает свою точку зрения о возможностях и путях перехода к устойчивому и ускоряющему социально-экономическому развитию.

Ключевые слова: социально-экономический рост, стагнация, кризис 2020–2021 годов, санкции, «экономика знаний».

Введение

Эта работа¹ подготовлена выдающимися российскими экономистами — экспертами высокого уровня. Часть из них работают в университетах США и Европы — Сергей Алексащенко, Сергей Гуриев, Олег Ицхоки, Константин Сонин. Другие — Олег Буклемишев, Олег Вьюгин, Владимир Гимпельсон, Борис Грозовский, Евсей Гурвич, Рубен Ениколопов, Наталья Орлова и Кирилл Рогов — работают в России.

Доклад состоит из двух частей. В первой рассматриваются основные идеи и выводы, касающиеся социально-экономической ситуации последнего десятилетия и перспектив. Вторая часть содержит тезисы с рассмотрением отдельных проблем развития и возможных перспектив. Суждения авторов, на мой взгляд, весьма глубоки, но из-за краткости изложения не могут претендовать на всесторонность.

Из десятков интересных экономических работ я выбрал именно эту, поскольку она побуждает к серьезным размышлениям и дает повод изложить свою, подчас не совпадающую с авторской точку зрения на поставленные остро и прямо вопросы. Сказанное, разумеется, никак не умаляет значимости высказанных ими положений.

1. Социально-экономическое развитие России в последнее десятилетие и причины застоя-2

Работа озаглавлена «Застой-2». Застоем-1 авторы называют застой 1977–1985 годов в СССР.

Во вступительной части «Основные идеи и выводы» Кирилл Рогов рассматривает всё последнее десятилетие как застой. Вряд ли с этим можно согласиться. Ведь после пятиквартального кризиса (IV квартал 2008 — 2009 год), который в России был самым глубоким среди двадцати ведущих держав, представленных на мировом саммите, страна пережила послекризисный подъем в 2010–2012 годах. ВВП, промышленность, другие отрасли материального производства, внутренняя и внешняя торговля восстановились до докризисного уровня в основном за год — полтора года. Три года восстановления потребовалось инвестициям, строительству и фондовому рынку. Докризисный объем фондового рынка так и не был восстановлен, а строительство недотянуло всего не-

¹ Алексащенко С., Буклемишев О., Вьюгин О., Гимпельсон В., Грозовский Б., Гурвич Е., Гуриев С., Ениколопов Р., Ицхоки О., Орлова Н., Рогов К., Сонин К. Застой-2: последствия, риски и альтернативы для российской экономики / Под ред. К. Рогова. М.: Либеральная миссия, 2021.

скольких процентов до докризисного уровня. В 2009 году цена на нефть сократилась в полтора раза и тоже восстановилась менее чем за два года.

Реальная заработная плата и реальные доходы населения в России, в отличие от других стран, в кризис не снизились, а даже повысились на 2%, несмотря на увеличение безработицы с 4,5 до 8%. Занятость тоже быстро восстановилась. Розничный товарооборот и конечное потребление домашних хозяйств сократились на 5–6% и уже в 2010 году достигли докризисного уровня. В целом за три года подъема ВВП увеличился на 12,7%, промышленность — на 16,2%, строительство — на 13,0%, внешнеэкономический оборот — на 78,7%. Заметно увеличился ввод жилья, достигнув в 2015 году наивысшего уровня — 85 млн кв. м. Среднегодовые темпы роста экономики и социальной сферы России за этот трехлетний период примерно соответствовали темпам роста мировой экономики и были вдвое выше, чем в развитых странах, но в полтора раза ниже, чем в развивающихся во главе с Индией и Китаем. Ежегодный прирост ВВП составлял около 4%. Это ниже, чем увеличение в период десятилетнего восстановительного подъема в 1999–2008-м. Но тогда, как известно, наполовину этот прирост, впрочем, как и более высокие темпы роста инвестиций и реальных доходов, был обусловлен восьмикратным увеличением экспортной цены на нефть и поступлением в Россию суммарной экспортной выручки в размере 1,5 трлн долл. в результате этого повышения («даровая» выручка).

В 2012-м темпы прироста ВВП немного снизились из-за того, что до минимума сократился прирост основных фондов, что было связано с 15-процентным снижением инвестиций в кризисном 2009-м, а также с относительно небольшим ростом нефтяных цен, которые в 2011–2012-м превзошли наивысший до этого уровень 2008 года (110–115 долл. против 95 за баррель).

В 2012-м до минимальных размеров новой России сократилась инфляция (5,1% в годовом выражении), поддерживалась минимальная ключевая ставка Центрального банка (5,5%). Значительно выросли объемы госбюджета и банковских активов. В большой мере был восстановлен объем золотовалютных резервов после расхода 211 млрд долл. в период кризиса 2008–2009 годов. Никаких признаков стагнации во время этого трехлетнего подъема не было.

Напротив, была уверенность в продолжении подъема экономики. Ведь после кризиса ее удалось разогнать, накопить дополнительные ресурсы для развития, снизить инфляцию и ключевую

ставку, добиться высоких темпов прироста инвестиций в основной капитал (почти 9% в среднем в год). А ведь это — основной драйвер социально-экономического роста в индустриальной стране, какой является Россия. Россия в то время находилась в благоприятных политических и экономических отношениях с другими странами, имела полный допуск на мировой финансовый рынок и воспользовалась этим. Российские предприятия и организации заняли на мировом рынке в значительной мере на длительные сроки 80 млрд долл. в 2010 году, 100 млрд долл. — в 2012-м и 90 млрд долл. — в 2013-м (всего — 270 млрд долл.), причем по относительно низким процентным ставкам. Внешнеэкономический долг России с 467 млрд долл. на начало 2010 года увеличился до 730 млрд долл. на начало 2014-го. Этот в подавляющей части корпоративный долг составлял только треть нашего ВВП, что меньше, чем в любой другой крупной стране.

В России в это время шла разработка детальной программы социально-экономического роста на период до 2020–2025 годов. Целевые установки для этого содержались в Указах Президента РФ В. В. Путина от 7 мая 2012 года и фундированы разработкой перспективы, которую в течение нескольких лет по поручению В. В. Путина разрабатывали Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ и Высшая экономическая школа при участии представителей министерств и правительства. Всё это было за полтора года до присоединения Крыма и за два года до введения санкций против России, снижения нефтяных цен и девальвации рубля. В эти годы валютный курс рубля оставался стабильным в районе 30–31 руб. за доллар, каким он установился в кризис 2009 года.

Эти обстоятельства в рассматриваемом докладе даже не упоминаются. В работе просто постулируется как произошедшая как бы сама по себе стагнация российской экономики и социальной сферы, возникающая после кризиса. Ее причины, по-видимому, кажутся авторам очевидными и не требующими специального рассмотрения.

У меня другая точка зрения. Нам крайне важно знать реальные причины, в силу которых мы неожиданно и для себя, и для других стран после серьезного трехлетнего подъема вдруг остановились и в 2013 году угодили в неожиданную стагнацию, где пребывали до первого квартала 2020-го включительно, после чего перешли в новую кризисную ситуацию в связи с коронавирусной пандемией и новым обвалом нефтегазовых цен. Нельзя преодолеть стагнацию, не выяснив причин ее возникновения, как нельзя

лечить пациента, не зная его диагноза. К сожалению, на заседаниях правительства, на проводимых многочисленных конференциях, в том числе официальных форумах в Санкт-Петербурге, Сочи, Екатеринбурге, Красноярске с участием руководителей страны и губернаторов, ни разу не рассматривался вопрос о причинах стагнации.

Я много занимался этим и пришел к выводу, что главной причиной было сокращение инвестиций в основной капитал со стороны государства, а также предприятий, организаций и банков, контролируемых государством. Вся эта огромная сфера, на долю которой, по расчетам Всемирного банка, приходится производство 71% ВВП, направляла на развитие экономики и социальной сферы более 50% от общей суммы инвестиций в основной капитал. Государственные инвестиции, прежде всего бюджетные, сократились на 31%. Крупнейшие корпорации, контролируемые государством (Роснефть, Газпром, Ростехнологии, РЖД, Росатом, Связьинвест, Ростелеком, Аэрофлот, оборонные корпорации и др.), тоже снизили свои инвестиции суммарно более чем на 30%. На четверть уменьшились объемы инвестиционного кредитования основных фондов со стороны государственных банков и банков, контролируемых государством, на которые приходится 73% всех активов российской банковской системы.

Что касается частных инвестиций, то они в 2013–2015 годах увеличились на 10% в сопоставимых ценах, и это больше чем наполовину компенсировало убыль госинвестиций. В целом же инвестиции в основной капитал в России за эти три года снизились на 11% и потянули вниз всю экономику. При этом надо учесть, что прироста основных фондов в 2013–2015 годах не было, так как инвестиции на этот прирост вкладывались во второй половине 2008-го и в 2009 году, когда они резко сократились из-за наступившего кризиса. Объем вводимых фондов даже сократился в 2014–2015-м на несколько процентов.

К тому же, как это бывает обычно, беда не приходит одна. Кризис 2008–2009 годов положил начало ежегодному оттоку капитала из России вначале в связи с самой кризисной ситуацией, а потом из-за ухудшения условий для притока инвестиций как со стороны иностранных инвесторов, так и от отечественных предпринимателей. Заметим, что до кризиса, в 2006–2007 годах, в России был значительный приток иностранных инвестиций в основной капитал. Особенно существенный отток капитала, 133 млрд долл., имел место в начале кризиса в 2008 году. Затем на 80 млрд долл. годовой отток произошел в 2011-м, накануне президентских вы-

боров. Наконец, самый большой отток, более 150 млрд долл., был вызван первыми санкциями против России в связи с присоединением Крыма в 2014-м.

Стагнация была углублена в 2014 году и перешла в рецессию в 2015-м из-за этих санкций, особенно в связи с отлучением России от мирового финансового рынка и двух-трехкратным сокращением цен на нефть в 2014–2016-м по инициативе Саудовской Аравии и стран ОПЕК. Эти меры, напомним, были направлены против быстро увеличивающейся добычи сланцевой нефти в США, которые были основным импортером нефти из этих стран.

Как известно, стагнацию труднее преодолеть, чем кризис, поскольку кризис имеет встроенный механизм послекризисного «отскока от дна». Именно поэтому мудрые китайцы обозначают кризис двумя иероглифами, первый из которых значит «беда», а второй — «шанс». Стагнация не содержит такого механизма. Напротив, она провоцирует формирование негативных трендов в экономике, которые тянут ее вниз, к рецессии. Негативные тренды в России — указанное выше сокращение инвестиций в основной капитал и отток капитала, они в свою очередь вызвали прогрессивное старение основных фондов, сокращение коэффициентов выбытия и обновления, особенно машин и оборудования. 23% всех машин и оборудования в России в настоящее время работают после истечения срока амортизации и должны были бы раньше быть заменены новыми машинами и оборудованием.

Еще один негативный тренд, связанный со стагнацией и особенно снижением цен на нефть, доходы от которой составляют 45–50% доходов федерального бюджета, — сокращение объема консолидированного бюджета, из которого во многом финансируется сфера «экономика знаний» (НИОКР, образование, информационно-коммуникационные технологии, биотехнологии и здравоохранение), являющаяся основной составной частью человеческого капитала — второго по значимости драйвера социально-экономического развития в России. Из-за снижения цен на нефть и газ наш внешнеэкономический оборот снизился за 2013–2015 годы на 38%, и это тоже негативно сказалось на сокращении темпов социально-экономического развития.

Как видно, стагнация явилась рукотворным делом и сформировалась не в связи с объективными обстоятельствами, происшедшими внутри страны или за рубежом. Власть не стремилась перейти к стагнации. Наоборот, Указы Президента РФ В. В. Путина от 7 мая 2012 года и большая предварительная работа по формированию перспективы на 2020–2025 годы, проведенная

под руководством президента и правительства, предусматривали нормальный четырех-пятипроцентный ежегодный социально-экономический рост, включая повышение жизненного уровня населения.

2. Особенности российской стагнации и нового кризиса 2020–2021 годов

Авторы рассматриваемой работы уделили серьезное внимание особенностям возникшего застоя (стагнации). Они характеризуют эту стагнацию как относительно «устойчивое развитие», сформировавшееся «равновесие». Говоря об основных идеях и выводах, Кирилл Рогов пишет: «Экономическая политика выдвигает в качестве приоритета “стабильность”, которая, с экономической точки зрения, представляет собой модель перераспределения ресурсной ренты и доходов от экономической деятельности, соответствующей интересам политической элиты, ряда секторов российского бизнеса и некоторых групп населения»².

Борис Грозовский целый параграф посвящает перераспределительной модели стагнирующей стабильности и пишет, что в основе этой модели лежит относительно высокий уровень доходов от экспорта сырья, прежде всего энергоносителей. Доходы от экспорта, утверждает он, в значительной степени собирались перед наступлением неблагоприятных периодов. Ресурсы перераспределялись в пользу экспортного сектора преимущественно от частного сектора к государственному. Проводилась политика импортозамещения — перераспределение в пользу внутренних производителей. Господствовала установка на экономический изоляционизм, мотивированный курсом внешнеэкономической конфронтации.

Профессор Чикагского университета Константин Сонин констатирует, что у России нет модели роста и развития.

Главный экономист Альфа-банка Наталья Орлова считает, что принятая модель перераспределения — это сознательный выбор равновесия низкого роста нашей экономики, и объясняет такой выбор наличием внешних долгов, невключенностью России в международные финансовые рынки, интеграцией с мировой экономикой только через канал торговли сырьем при сохранении закрытости экономики, сменой курса на интеграцию в европей-

² Алексащенко С., Буклемишев О., Вьюгин О., Гимпельсон В., Грозовский Б., Гурвич Е., Гуриев С., Ениколопов Р., Ицхоки О., Орлова Н., Рогов К., Сонин К. Застой–2: последствия, риски и альтернативы для российской экономики / Под ред. К. Рогова. М.: Либеральная миссия, 2021. С. 5. Далее ссылки на страницы этого издания приводятся в тексте.

ские рынки на более активную торговлю с Китаем. В результате сформировалось, по ее мнению, равновесие низкого роста, модель которого представляется устойчивой. «Сохраняя текущую модель, — пишет она, — государство гарантирует себе поддержку бизнеса» (с. 45).

Сергей Алексашенко перечисляет «красные линии» руководства России, ограничивающие рост нашей экономики: политическая конфронтация с Западом, экономическая и технологическая автаркия, огосударствление «командных высот» в экономике, отсутствие верховенства права и незащищенность прав собственности, особенно частного бизнеса.

Прямо высказывается Владимир Гимпельсон, профессор НИУ ВШЭ: «Задача на ускорение роста экономики сейчас просто не стоит. Главная цель — сохранить власть, а рост отходит на второй, а, может быть, на третий план» (с. 52).

С ним солидарен Евсей Гурвич, считающий, что приоритетом вместо роста служит стабильность, которая диктуется минимизацией рисков. Новая мысль: «Выбор стабильности в качестве приоритета основан на ограниченности горизонта планирования среднесрочным периодом» (с. 60).

Новый элемент анализа, «ловушку среднего дохода», вводит Сергей Гуриев. Эта ловушка, по его определению, характеризует ситуацию, когда институты, которые способствовали быстрому росту в стране на этапе перехода от низкого к среднему доходу, становятся тормозом дальнейшего развития. Согласен, что после кризиса 2008–2009 годов стало понятно, что России нужна новая модель роста. Кстати, об этом на президиуме Экономического совета в 2016 году высказывался и В. В. Путин, говоря, что, если мы будем ориентироваться на старые источники роста, у нас будет нулевой рост, а значит, нужны новые источники. Сергей Гуриев объясняет наличие застоя стремлением политической и деловой элиты защитить источники извлечения ренты, ибо реформы роста снизят для них вероятность сохранения контроля над политикой и экономикой. Российский режим исследователь называет «информационной автократией» (с. 66).

Рубен Ениколопов, ректор Российской экономической школы, считает причиной стагнации не только старые проблемы с защитой прав собственности, но и новый курс на повышение закрытости экономики. Россию он называет «страной, потерявшей маяк» (с. 73–75).

Олег Вьюгин классифицирует барьеры, обрекающие нас на застой: негативные демографические факторы, огосударствление

экономики, неблагополучие правовой среды и коррупция, тенденции к автаркии, изоляции страны, снижение качества здоровья нации и ее интеллектуального капитала. Он считает характерным для России отсутствие взаимопонимания между бизнесом и государством относительно целеполагания и правил экономической деятельности.

С большинством приведенных выше положений я вынужден согласиться. Преувеличенным мне кажется вывод о том, что у власти отсутствует социально-экономическое целеполагание. Это целеполагание зафиксировано и в Указах Президента РФ от 7 мая 2012 года, и в Указе «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 7 мая 2018 года, и в последнем Указе В. В. Путина «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» от 21 июля 2020 года. Цели выдвигались, но не были достигнуты.

Самым вопиющим, на мой взгляд, здесь была согласованная политика Минфина, Минэкономразвития и Центрального банка, которая привела к снижению доли инвестиций в основной капитал в ВВП с 21% в 2012 году до 17% в последние годы, в то время как в Указе Президента РФ было намечено повышение этой доли до 25% к 2015 году и до 27% — к 2018-му, что обеспечивало бы среднегодовой прирост инвестиций по 12% в среднем за год вместо их стагнации и даже сокращения за этот период.

Возможен ли был переход к форсированному росту инвестиций в основной капитал — главный драйвер социально-экономического роста в послекризисный период? Имелись ли для этого ресурсы? Ответим на этот вопрос категорически: ресурсы были в избытке. Ведь главная направленность этих инвестиций должна была состоять в техническом перевооружении нашей экономики, что является окупаемым делом. Техническое перевооружение действующего производства, как известно, характеризуется окупаемостью в среднем в пять — семь лет, создание новых высокотехнологических мощностей — в десять — двенадцать лет, а формирование новой транспортно-логистической инфраструктуры, включая скоростные железные дороги, — окупаемостью в двадцать — двадцать пять лет. При низкопроцентном инвестиционном кредите в размере 3–5% годовых мы могли бы перейти к форсированному осуществлению таких инвестиций.

Для этого надо было повернуть банковскую систему по примеру других стран лицом к задачам социально-экономического роста и увеличить объем инвестиционного кредитования основных фондов со стороны отечественных банков примерно с 1,5 трлн руб.

(из 18 трлн общих инвестиций) в три — пять раз за несколько лет. Ведь объем активов наших банков, как известно, сопоставим с объемом всего ВВП, и даже при таком увеличении доли инвестиционного кредитования в этих активах она будет ниже, чем в Китае и развивающихся странах, и вдвое ниже, чем в развитых странах. Потребуется минимум государственных средств, чтобы компенсировать банкам недостающий размер процентной ставки. Это будет стоить несколько сотен миллиардов рублей в год, в то время как ежегодно в составе консолидированного бюджета безвозвратно финансируются проекты, которые по сути являются окупаемыми ежегодно в размере до 5 трлн руб. Для финансирования народного хозяйства применение здесь низкопроцентных займов государственных банков могло бы высвободить до 4,5 трлн руб. безвозвратных средств на дополнительное финансирование человеческого капитала, который тоже надо серьезно увеличить для обеспечения технологического прорыва. Не думаю, что эти главные меры, необходимые для возобновления социально-экономического роста, подорвали бы верховенство политической и экономической власти.

Конечно, чтобы эти меры были более эффективными, нужна система стимулов для частного бизнеса, а в конечном счете — реформа с повышением доли частного бизнеса и гарантий его неприкосновенности. Потребуется и реформа финансовой системы, чтобы в рамках банковской системы и внебанковских фондов увеличить долю «длинных» денег как основы инвестиций, о чем неоднократно говорил В. В. Путин. Со временем потребовалась бы и региональная реформа с переводом большинства субъектов Федерации на систему самоокупаемости, самофинансирования и самоуправления. Серьезные коррективы постепенно придется проводить и в налоговой системе, как это было предусмотрено Президентом РФ еще в 2017–2018 годах. Даже неполное осуществление этих мероприятий, которые должны сочетаться с постепенной нормализацией наших отношений с другими странами и большей открытостью нашей экономики, привело бы нас как минимум к трех-четырёхпроцентному увеличению подъема экономики и на ее основе — к повышению уровня жизни населения.

Нерешительность правительства в осуществлении столь крупных мероприятий я объясняю недостаточным пониманием опасности продолжения стагнации из-за слабой аналитики, на которой должно быть основано экономическое прогнозирование. Отсюда узкий горизонт этой политики, а главное — отсут-

ствие народно-хозяйственного плана, модернизированного для рыночной экономики, как это было в Японии и Южной Корее в период их бурного экономического роста. В целом пятилетние планы, если взять послевоенную историю, применялись в основном с успехом в 39 странах, включая Индию (пройдено двенадцать пятилеток), Турцию, где продолжается одиннадцатая пятилетка, Малайзию и многих других. Яркий пример эффективности планирования демонстрирует Китай. В рассматриваемой работе эта тема не поднимается. Мало того, понятие «планирование» в ряде случаев здесь употребляется в пренебрежительном смысле.

Обращает внимание то обстоятельство, что в работе «Застой-2», опубликованной в этом году, нет оценки современного кризиса 2020–2021 годов, сформированного на базе стагнации. Однако негативные тренды стагнации, о которых пишут авторы, в кризис усугубились. Скажем, реальные располагаемые доходы населения, сократившиеся в период застоя на 10,4%, снизились в кризис 2020 года еще на 3,5%. Сказанное относится и к розничному товарообороту, платным услугам, конечному потреблению домашних хозяйств, платежеспособному спросу населения.

Важнейшей особенностью этого кризиса, на что не обращено должного внимания, является катастрофическое увеличение дополнительной смертности населения — за год с мая 2020 года по апрель 2021-го на 499 тыс. чел. при превышении смертности над рождаемостью (депопуляции) в размере 702 тыс. чел. в 2020 году. Сократился и прирост мигрантов в кризисный год — до 106 тыс. чел., и поэтому численность населения страны уменьшилась в 2020 году на 596 тыс. чел. — рекордный показатель среди всех стран мира. Рост смертности сократил ожидаемую продолжительность жизни в России с низкого уровня 73,4 года в 2019-м до 71,1 года в 2020-м — на десять — двенадцать лет ниже, чем в развитых странах. Тем самым подорвана оказалась сохранность народа России.

Экономический ущерб от столь высокой дополнительной смертности в части потери человеческого капитала, если оценить стоимость по показателям Всемирного банка, составит примерно 6 трлн руб. При учете ущерба от дополнительной заболеваемости, инвалидности и снижения продолжительности жизни эта сумма возрастает до 9 трлн руб. Эти цифры ущерба в два — три раза выше размеров снижения экономики по ВВП, который составил 3,2 трлн руб. (сокращение ВВП в 2020 году на 3,0% при его объеме около 107 трлн руб.).

3. Среднесрочная и долгосрочная перспективы для России

В докладе «Застой–2» мало анализируются социально-экономические последствия переживаемого мирового кризиса. По-видимому, этот труд готовился заблаговременно. Но справедливо во весь рост поставлена проблема 2030-х годов для России. Приводятся весомые и убедительные доводы, что если стагнация продлится в 2020-х, еще одно десятилетие, то в 2030-х Россию ждет глубокий и всесторонний кризис. Доказывается, что в долгосрочной перспективе устойчивость, стабильность, равновесие застоя подрываются. Экономика страны рухнет.

В то же время мнения авторов рассматриваемого аналитического доклада о перспективах развития России несколько разошлись. Одни, прежде всего Сергей Алексашенко, Владимир Гимпельсон, Олег Буклемишев, Константин Сонин, подчеркивают бесперспективность преодоления застоя при нынешней власти и руководящей элите.

Сергей Алексашенко считает, что у России никогда не было внятной модели роста и выделенные им «красные линии» руководства России (см. выше) препятствуют этому росту. Теоретически он допускает единственный вариант ускорения темпов роста в рамках существующей системы путем наращивания инвестиций за счет средств Фонда национального благосостояния, но считает, что такая возможность не стоит на повестке дня и не осознаётся.

Владимир Гимпельсон отмечает, что рост экономики для власти не является целевой установкой, но и он допускает возможность роста за счет наращивания инвестиций, хотя констатирует, что условий для этого пока нет.

Олег Буклемишев констатирует: «Траектория низкого роста или стагнации является естественной для современного этапа развития российской экономики не только потому, что этот рост сдерживается известными объективными факторами — демографическими, структурными, внешнеэкономическими. Сам по себе механизм целеполагания и принятия управленческих решений внутри госаппарата однозначно склоняет выбор в сторону траектории “статус-кво”» (с. 57). По мнению ученого, экономическая политика всей своей мощью тоже работает на сохранение «стабильности», которая равносильна застою.

А Константин Сонин утверждает, что отсутствие открытости и ограничение возможностей по заимствованию технологий — тормоз на пути экономического роста. Он допускает только один выход из стагнации — в сторону экспортоориентированности и догоняющего развития, что невозможно, по его мнению.

Другие авторы ссылаются на опыт успешно развивающихся стран — новых государств ЕС, которые активно взаимодействуют

с развитыми странами Евросоюза, и группы азиатских стран, где развитие идет за счет ускоренного экспорта, для чего этим странам пришлось полностью открыться. Характерный пример — Китай и Южная Корея. Эти авторы допускают перспективу улучшения отношений России с Евросоюзом и использования имеющихся возможностей для значительного увеличения экспорта, прежде всего в Китай и другие азиатские страны.

Олег Ицхоки пишет в этом контексте: «Самый простой “рецепт” попасть в Клуб развитых стран — это попасть в зону притяжения европейских институтов». Он подчеркивает, что у России есть возможность включиться в этот процесс институционального развития. Говоря о возможности российского экономического роста, особый акцент исследователь делает на технологический сектор, отмечая, что Россия — одна из немногих стран, сумевших составить успешную конкуренцию хотя бы на внутреннем рынке самым крупным американским компаниям (*Amazon, Facebook, Google* и др.). «Российским частным компаниям, — подчеркивает Ицхоки, — это удалось (*Yandex, Mail.ru, ВКонтакте и Ozon*); их успехи на внешних рынках пока ограничены, но эти компании могут иметь влияние на рынках близлежащих стран, в том числе в Восточной Европе» (с. 72). Автор допускает, что «ряд институционных реформ или интервенций, вероятно, возможен даже в условиях текущего политического режима. В частности, эти изменения возможны на микроуровне самоуправления, и они приведут к укреплению гражданского общества, замещающего “сильное государство”» (с. 70).

Рубен Ениколопов отмечает: «Существенная часть крупных компаний на самом деле конкурентоспособна на мировом рынке» (с. 74). Наиболее губительно для развития нашей экономики, по его мнению, сочетание высокой концентрации рынка и закрытости экономики. Решение обеих проблем сразу не представляется реалистичным, поэтому, подчеркивает автор, более реально решить проблему открытости экономики, так как ее может поддерживать более широкая коалиция бизнес-элит.

Близкую точку зрения высказывает и Олег Вьюгин: «Наиболее эффективным маневром, способным вывести экономику России на траекторию устойчивого роста, мог быть отказ от политики экономической и культурной автаркии с целью преодоления тенденций и технологической и инвестиционной изоляции» (с. 78). При этом он подчеркивает необходимость стимулирования роста — поощрения квалификационных трудовых ресурсов, привлечения капитала и международной технологической кооперации. Автор напоминает, что в недавней истории новой России элементы такой концепции были реализованы.

Евсей Гурвич, в отличие от других авторов, в заключение своих тезисов утверждает: «В перспективе ускорение экономического роста даст источник выигрыша для всех групп» (с. 62). Для этого он предлагает меры, приемлемые для интересов разных групп, при необходимости — с компенсацией тем, кто понесет потери. Эти меры должны характеризоваться относительно низкими экономическими и социальными рисками по сравнению со сценарием долгосрочной стагнации. Рассматриваются разные варианты этих мер; по убеждению автора, нельзя ускорить рост за счет выделения дополнительных денег на госинвестиции, путем смягчения денежной политики и с использованием проектного подхода. Эти меры могут принести некоторую пользу, но имеют серьезные риски и не решают фундаментальной проблемы отсутствия работающих механизмов роста. Евсей Гурвич предлагает выбирать из следующих мер: (1) создание конкуренции между регионами по примеру Китая; (2) разворот от расширения госсектора к постепенному сокращению (что было предусмотрено в майских Указах Президента РФ 2012 года); (3) «коммерциализация» компаний с госучастием; (4) отказ от искусственной поддержки неэффективных предприятий; (5) создание условий для заимствования извне передовых технологий; (6) повышение привлекательности инвестиций в российскую экономику.

Наталья Орлова считает, что отказ от роста сегодня является частью рационального выбора и что мы пришли к «равновесию низкого роста»: низкий уровень инвестиций сохраняет низкую стоимость трудовых ресурсов, что выгодно бизнесу и не вызывает излишней безработицы. Основная доходность извлекается из сырьевых сегментов экономики, и на ее базе формируется «финансовая подушка» государства. Главной долгосрочной проблемой автор считает повышение качества человеческого капитала как первой меры для возобновления социально-экономического роста. Предложение эксперта — стимулировать инвестиции в малые и средние предприятия, в том числе через вложения личных пенсионных накоплений. Наконец, необходимо ставить на медицину как на сектор, услуги которого можно было бы предлагать на евразийском рынке. Вывод автора: «Позитивный для российской экономики сценарий с большой вероятностью будет экзогенным и может быть связан либо с сохранением высокого глобального спроса на энергоносители, либо с усилением роли Китая в мире, благодаря чему Россия выиграет от усиления торговых связей с КНР» (с. 47). Этот сценарий увеличит экспортные доходы страны и позволит часть этих средств направить на повышение уровня жизни. В то же время Наталья Орлова утверждает, что с высокой вероятностью экономическая политика будет ориентироваться на

сценарий «низкого» роста (1–2% в год), в рамках которого правительство продолжит поиск возможных опций для перераспределения потоков внутри экономики. Еще хуже, по ее мнению, сценарий смягчения монетарной и бюджетной политики, что приведет к росту оттока капитала и усилению инфляции. Это сделает российскую экономику более уязвимой к внешним шокам.

Сергей Гуриев в разделе своей заметки «Что делать?» пишет, что рецепты возобновления экономического роста в России хорошо известны и изложены в «Стратегии-2020», майских Указах 2012 и 2018 годов. «Эти рецепты, — пишет он, — включают в себя построение открытой и конкурентной экономики, современной правовой системы, конкурентной финансовой системы, защиту прав собственности, развитие несырьевого экспорта и привлечение иностранных инвестиций, реформы образования и здравоохранения, борьбу с коррупцией, дерегулирование и приватизацию» (с. 67). Я бы добавил курс на технологический прорыв, форсированные инвестиции в основной и человеческий капитал, пространственные аспекты развития России. По мнению эксперта, перечисленные реформы противоречат интересам правящей элиты.

Я так плохо о правящей элите не думаю. Возможно, какие-то элементы ее и не устраивают, но думаю, что входящие в элиту люди тоже желают России быть не «богатой страной бедных людей» (Б. Акунин), а страной с зажиточным населением, основанной на высокой эффективности, научно-технологическом развитии, открытости, социальной направленности. На такую перспективу нацелены все установочные документы президента и правительства.

Думаю, что недостаточная энергичность в этих направлениях связана во многом с повышенными, по их мнению, рисками. Многим представляется, что можно меньшими средствами и усилиями добиться экономического роста. Не до конца, возможно, осознаётся необходимость серьезной переориентации управления. Недостаточная аналитика и прогнозная деятельность не позволяют правильно оценивать последствия проводимых мер. Слаба ответственность за невыполнение заданий, даже заданий Указов Президента РФ В. В. Путина. Но, мне кажется, всё поправимо. И если через несколько лет станет ясно, что мы по-прежнему медленно двигаемся вверх, с большой вероятностью начнут приниматься более решительные меры по активизации социально-экономического роста.

Так было в начале 2000-х годов в демографии и здравоохранении, показатели которых из года в год ухудшались. Были приняты национальные программы «Демография» и «Здоровье народа»

с четкими заданиями и крупным финансированием. Энергичная реализация этих программ началась в 2006 году, и к 2014-му нам удалось повысить рождаемость на 500 тыс. чел., снизить смертность на 400 тыс., покончить с депопуляцией, превышающей 900 тыс. чел. в год, и добиться естественного роста населения. Ожидаемая продолжительность жизни увеличилась с 65 до 71 года. Не знаю другой страны, которая в столь короткий срок совершила бы кардинальный прорыв в решении этой, пожалуй, самой трудной социально-экономической задачи. Не исключаю повторения подобного при переходе к ускоренному социально-экономическому росту.

Выводы

В моем комментарии к положениям рассматриваемого аналитического доклада изложены предложения, описывающие источники и условия перехода к социально-экономическому росту, которые я во многом заимствовал у ученых и специалистов — экспертов по макроэкономике. Перечислю семь ключевых пунктов:

- обеспечить финансовый форсаж драйверов социально-экономического роста: инвестиции в основной и человеческий капитал, жилищное строительство и внешнюю торговлю;
- направленность инвестиций прежде всего на технологическое перевооружение с задачей в 2030 году достичь технологического уровня и показателей экономической эффективности развитых стран;
- главными источниками средств для финансового форсажа должны стать инвестиционные кредиты, половина накопленных золотовалютных резервов и государственные займы;
- необходимо стимулировать предприятия и организации вкладывать зарабатываемые средства в социально-экономический рост, для чего отменить налог на прибыль при использовании его для инвестиций, сократить сроки амортизации, увеличив амортизационный фонд для дополнительного инвестирования, предоставлять налоговую паузу и другие льготы в период технологической реконструкции;
- восстановить утраченные в годы стагнации и кризиса доходы и потребление населения, увеличив до полутора раз минимальную зарплату, пенсии и пособия, и создать условия для приоритетного роста доходов на селе и в малых городах, используя для этого средства предприятий и Фонда национального благосостояния;

- принять кардинальные меры для восстановления сохранности народа России в 2025–2030 годах за счет значительного сокращения смертности, повышения суммарного коэффициента рождаемости, увеличения положительного сальдо миграции; для этого увеличить финансирование здравоохранения с 5 до 7% ВВП к 2025 году и 10% — к 2030-му;
- провести структурные реформы для стимулирования и снятия препятствий при финансовом форсаже и социально-экономическом развитии: реформу собственности с массовой приватизацией, финансовую реформу, включающую бюджетно-налоговую и банковскую реформы, реформу по переводу регионов на самокупаемость, самофинансирование, самоуправление и социальные реформы, прежде всего распространяющиеся на пенсии, здравоохранение, жилищно-коммунальное хозяйство, сокращение социального неравенства вдвое.

Все эти мероприятия приведут к устойчивому социально-экономическому росту с 3% в преддверии 2025 года, 4% — в период до 2030-го и 5–6% — в 2030-е годы.

Ekonomicheskaya Politika, 2021, vol. 16, no. 4, pp. 198-215

Abel G. AGANBEGYAN, Dr. Sci. (Econ.), Academician of the Russian Academy of Sciences. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadskogo pr., Moscow, 119571, Russian Federation).

E-mail: aganbegyan@ranepa.ru

Reflections on the Analytical Report “Stagnation 2: Consequences, Risks and Alternatives for the Russian Economy”

Abstract

In the book “Stagnation 2: Consequences, Risks and Alternatives for the Russian Economy”, which the authors call an analytical report, there are more questions posed than answers given. The paper analyzes the socio-economic development of Russia in the last decade and prospects for the medium and long term. In addition, the authors of the work do not analyze the causes of the unexpected stagnation since 2013, which abruptly broke the rising trend of Russia. The article attempts to explain the causes of stagnation and the coming recession of 2015. In this reflection, the review author tries to systematize the features of Russian stagnation, largely agreeing with their deep analysis in the analytical report. This is a discussion on the topics of “stability” and “equilibrium”, “middle income traps”, “redistributive models”, “lost beacons” and “isolationism”. The main focus of the review is devoted to analyzing the provisions of the analytical report on the prospects of

Russia's development. The authors under review do not comprehensively consider the conditions and factors necessary to resume future sustainable socio-economic growth for Russia. Some authors do not see real opportunities for overcoming stagnation at all. In conclusion, the author of the review expresses his point of view on the possibilities and ways of transition to sustainable and accelerating socio-economic development. This would be possible on the basis of technological modernization of our economy as well as the improvement of welfare and preservation of the Russian people.

Keywords: socioeconomic growth, stagnation, crisis of 2020–2021, sanctions, knowledge economy.